

УДК 821.161.1-312-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М61

Иллюстрации на переплете *Night Crow*
(*Станиславы Иванкевич*) и *REDwood*
Иллюстрация на форзаце *Aligner*

Минеева, Любовь.

М61 Кричащая Башня знает / Любовь Минеева. — Москва : Эксмо, 2025. — 448 с. — (Русреал-детектив).

ISBN 978-5-04-197151-9

После развода родителей восемнадцатилетняя Настя, привыкшая к роскошной жизни в мегаполисе, переезжает в провинциальный городок. Ее единственной подругой становится Арина – звезда местного института.

Их дружба продолжается до тех пор, пока Арину не находят мертвой у подножия Кричащей Башни — таинственного старого дома, овеянного мрачными легендами. Вскоре рядом с Башней одна за другой начинают погибать недоброжелательницы девушки. Ходят слухи, что в городе завелся мстительный призрак...

И тогда Настя берется за расследование, желая не только найти того, кто выдает себя за мертвую подругу, но и любой ценой сохранить ее тайны. Ведь только Насте известно, что за маской хорошей девочки скрывалась интриганка, готовая идти по головам ради своих целей.

УДК 821.161.1-312-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197151-9

© Минеева Л., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Глава 1

Мать ушла в ночную смену.

Понимаю это, взглянув на часы, — время давно за полночь. Выбравшись из кровати, иду к окну и смотрю во двор — он пуст, совершенно безлюден. Три машины на крошечной парковке, пара горящих фонарей, свет которых превращает снег в желтую, словно залежалую, вату.

Не включая света, заворачиваюсь в синтепоновое одеяло и иду на кухню.

Спать не хочется. Смотреть телик, зажигать свет, есть или пить чай — тоже. Чем еще занимаются люди по ночам, когда им не спится? Пишут в дневник, рисуют в блокноте. Может, подготовиться к завтрашнему зачету, почитать лекцию? Первый зачет в моей жизни, как-никак.

В кухне сажусь на стул у окна — мое любимое место во всей нашей крохотной однокомнатной квартире. Хрущевка — вот как они называются, такие квартиры, как у нас с матерью. Я недавно узнала об этом. Услышала, как мать рассказывала кому-то по телефону, мол: «Дела ужасно, живем в хрущевке». Я загуглила, оказалось, такие дома строили в конце 50-х, и они носили характер временного жилища, типа, поживут люди лет пятнадцать, пока Советский Союз идет к светлому будущему, а потом уж партия всех обеспечит просторным жильем. С тех пор прошло пятьдесят и пятнадцать лет, а мы все надеемся.

Единственную комнату мы с мамой разделили. Дальнюю стену и метра полтора от нее отгородили шкафом,

дверцами – в большую часть. Так я получила себе закуток. Туда как раз влез маленький диванчик, выдвигающийся вперед, и узкий компьютерный столик. На него я поставила ноутбук, но почти не открывала его – смотреть любимые сериалы почему-то желания не было. К задней стенке шкафа я прикрепила присосками легкую пластмассовую полочку, на которую собиралась поставить всякие приятности из прошлой жизни: шкатулку с Кипра с большой ракушкой на крышке, мою фотку на фоне старинного замка в Эдинбурге (в девятом классе я просто бредила Шотландией), но полка так и осталась пустой.

В квартире холодно, и я зажигаю горелку на плите, чтобы хоть немного согреться. Потому и люблю этот стул у крошечного кухонного стола – он стоит у окна и рядом с плитой. Можно смотреть на улицу и наслаждаться теплом.

Холод в квартире от того, что на окнах деревянные рамы, и в щели прямо-таки задувает ледяной ветер. Я никогда не видела таких окон – не пластиковых. Мать сказала, что такие щели нужно затыкать ватой и заклеивать специальной бумагой. Понятия не имею, что это за процесс такой, мать говорит, что умеет, они так делали раньше.

Говорит, что умеет, но никак не заткнет.

Немного согревшись, я иду к холодильнику и достаю бутылку водки. Подумав, достаю еще тарелку, завернутую в полиэтиленовый мешочек – там остатки нарезки к завтраку: несколько кружков колбасы, сыра и соленого огурца. Ставлю на стол, нашариваю в шкафу с посудой рюмку.

Я уже настолько согрелась, что можно не кутаться в одеяло, и я позволяю ему сползти с плеч, уминаю локтями, устраиваясь поудобнее, – теперь я будто сижу в синтепоновом гнезде.

Отвинчиваю крышку, наполняю рюмку и быстро, не думая, выпиваю. В первую секунду у меня ощущение,

будто я глотнула одеколона. Резкий запах напомнил вкус коньяка, который мы с двоюродной сестрой пили на мое восемнадцатилетие прошлой весной — на секунду в глаза брызнули огни ночного клуба и мелькание танцующих теней. Но я быстро отбросила все воспоминания. Я не возвращаюсь в прошлую жизнь с тех пор, как мы сюда переехали. Даже Инстаграм¹ удалила.

Заедаю соленым огурцом, и неприятный лекарственный привкус отпускает.

Огурцы нам притащила соседка. Они с матерью подружились еще летом, почти сразу после нашего переезда, она в курсе наших бед и почему-то решила, что мы в придачу еще и голодаем. С осени начала подкармливать нас урожаем со своей дачи. Мать говорит, что весной мы будем ей там помогать. Этого только не хватало.

Я наливаю вторую рюмку и выпиваю, стараясь не вдыхать противный запах.

Третья рюмка идет, что называется, как к себе домой. Хрущу огурцом, оглядываю унылый двор. Я все еще плохо знаю этот город, но, по-моему, мы живем в худшем его районе. Только переехав сюда, в Арслан, я поняла значение фразы «провинциальный городишко». Нет, до этого мы жили тоже не в столице, но, по крайней мере, в столице большого региона, а этот город — он даже здесь, в провинции, считается провинцией. Один завод, два торговых центра и полузаброшенный железнодорожный вокзал — ничего, кроме пригородных электричек, через него не ходит.

Я отворачиваюсь от окна и понимаю, что картинка перед глазами начинает слегка дергаться. Кажется, что диапазон зрения сужается, словно я напялила средневековый

---

¹ Инстаграм — проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена.

рыцарский шлем и смотрю через прямоугольную щель. Наверное, если я попробую встать, то тут же грохнусь на пол. Я знаю, так бывает с крепким алкоголем – ты сидишь за столом, хлещешь одну за другой, чувствуешь себя совершенно трезвой, а потом встаешь, и пол встает тоже. Быть пьяной – дурацкое чувство. Но я снова тянусь за бутылкой. Рюмки уже не считаю.

Думаю, надо бы включить свет, иначе пролью мимо, придется вытирать, а растертая по полу водка будет вонять на всю квартиру несколько дней.

Встаю и иду к выключателю. Первую секунду жмурюсь от света. Никогда не замечала, что единственная лампочка, не прикрытая даже каким-нибудь колпаком, горит так ярко.

Проморгавшись, я поворачиваюсь к столу и вижу, что за ним сидит Аринка.

– Лучше выключи, – говорит она и прикрывает глаза ладонью. Я тут же выключаю. Темнота на секунду становится полной, я уверена, что если я снова щелкну выключателем, то Аринки за столом уже не будет. Это и называется «словить белочку»?

Мой взгляд впивается в черноту того угла, где при свете я увидела Арину, – по другую сторону стола, напротив моего синтепонового гнезда. Сквозь темноту квартиры в окно постепенно проникает желтый свет фонарей – я начинаю различать бесформенную кучу одеяла на табуретке, блик на своей рюмке, синий цветок газа и... ее силуэт. Сквозь мрак зимней ночи проступает белизна ее волос – длинных, как у русалки, сложенные на столе руки – кисти выглядывают из рукавов черной водолазки, может, именно на ее фоне я так четко вижу длинные призрачные пряди. Но лучше всего я вижу, как в темноте блестят ее глаза – зеленые, точно у кошки.

– Арин... – зову я шепотом.

КРИЧАЮЩАЯ БАШНЯ ЗНАЕТ

– Что? – отвечает она тоже шепотом.

– Это правда ты?

Она тихо смеется, а я все еще не решаюсь подойти. Почему меня так пугают ее длинные белые волосы, тянущиеся вдоль тела, точно серый мох по стволу дерева?

– Как ты зашла?

– А ты думала, одна будешь тут расслабляться под водочку с огурчиками? Доставай рюмку! Это сейчас прямо то, что доктор прописал.

Я открываю шкафчик с посудой, нащупываю рюмку и подхожу к столу. Глаза совсем привыкли к темноте, но Аринкин силуэт по-прежнему нечеткий. Сталкиваю одеяло со своего стула и наконец сажусь. Не сводя глаз с Аринкиного силуэта, беру бутылку и разливаю уже в две рюмки. Двигаю тарелку на середину стола, ставлю рюмку поближе к бледным пятнам ее запястий.

– Ну, – говорит Арина, – за тебя, Настька!

Мы выпиваем. По крайней мере, я. Никакого движения в противоположном углу я не замечаю.

– Злишься на меня? – спрашивает шепот из противоположного угла.

– Я – на тебя?! – От удивления аж перестаю жевать и перехожу на полный голос. Темнота вздыхает, и я вижу, как шевелятся призрачные пряди – наверное, Аринка трогает волосы, подкручивая едва выраженные локоны. Этот ее жест был таким привычным, что я на секунду увидела ее во мраке.

– Да, а что ты удивляешься? – отвечает Аринка. – Мы лучшие подруги, а между лучшими подругами всегда накапливается куча обид и непоняток. К тому же я та еще сучка.

Она смеется, и меня тоже начинает распирать от какого-то истерического хохота. Но я сдерживаюсь.

– Не злись, Настя... – шепчет подруга, и в ее тихом голосе я улавливаю просящие нотки. Редкий случай.

– И ты на меня, – выдавливаю я. До меня начинает доходить, что, скорее всего, никакой Аринки напротив меня не сидит. Либо я сейчас сплю, уткнувшись носом в кухонный стол, либо, пьяная вдрызг, разговариваю с пустотой. Наружу снова начинает рваться гиенский гогот.

– Все равно нам было классно, да? – говорит Аринка, и я послушно киваю. Она, кажется, улыбается.

– Я не собираюсь просить прощения, да и выпрашивать – тоже, – задумчиво добавляет шепот. – Хрен с ним. Прощение – это дело времени, враз нельзя сесть, поднатужиться и простить. Даже если ты сейчас скажешь, что прощаешь меня, я тебе не поверю.

– Да тебе и не за что просить... – бормочу я.

Темнота снова вздыхает, да так глубоко, что я чувствую Аринкино дыхание. Оно холодное, как сквозняк, тянувшийся из щелей в окнах нашей квартиры.

Собравшись с духом, я решаюсь на свой вопрос:

– Арин, ты точно настоящая? Я что, отключилась, когда ты пришла?

– Я пришла, потому что решила тебе помочь. И дело совсем не в том, как я жила и что творила, и не потому, что я в чем-то раскаиваюсь. Я здесь ради них – всех других девушек...

– Что-то ни фиги не пойму...

– Тихо! – перебил меня шепот, и теперь я точно узнавала в нем голос Аринки. – Слушай, Настя. Ты понятия не имеешь, во что ввязалась. Во что я тебя втянула, бедная моя девочка... Сегодня я выпустила на волю чудовище.

Пьяный бред. МОЙ пьяный бред. Голос был Аринкин, но слова – точно не ее.

КРИЧАЩАЯ БАШНЯ ЗНАЕТ

– И разбираться со всем этим придется тебе, – твердо говорит моя подруга.

– Слышишь меня? – Голос переходит на крик. Я вздрагиваю, темнота вокруг меня стала плотной, почти осязаемой. И внезапно из этого мрака появилось лицо Аринки – близко, нос в нос к моему. Оно болталось в этой темноте – только лицо, без тела, как овальный воздушный шарик. И кричало:

– Останови это чудовище, слышишь? СЛЫШИШЬ?!

Аринка начинает визжать, и этот дребезжащий визг наполняет всю квартиру, я пытаюсь закрыть уши, глаза, но не могу даже пошевелиться.

И просыпаюсь.

* * *

Кто-то трезвонит в дверь.

У нас что, есть звонок? Да еще и такой мерзкий. Встаю из-за стола, ноги путаются в одеяле, которое валяется на полу. Автоматически выключаю газ – воздух в кухне, да и, кажется, во всей квартире, стал сухим и таким жарким, что хочется открыть окно.

Снова длинная трель звонка.

Выбираюсь из одеяла и падаю. Встаю, шлепаю себя по щекам, пытаюсь окончательно проснуться, добираюсь до выключателя и зажигаю свет.

В кухне никого нет, на столе – ополовиненная бутылка водки и тарелка с одиноким кусочком сыра. Интересно, сколько времени. Судя по темноте – все еще глубокая ночь.

На очередной визг звонка я ору:

– Да иду, блин, иду!

В маленькой прихожей зажигаю бра над зеркалом и, да же не спросив, кто там, поворачиваю собачку замка и открываю дверь.

В первый момент я ее не узнаю. Всклоченные волосы, расстегнутая куртка, распухшее лицо. Она говорит что-то своему спутнику – рыжеволосому парню, которого я точно вижу впервые, потом поворачивается, и я наконец вижу залитое слезами лицо – Даша, Аринкина сестра.

– О боже, Настя! – фраза тут же переходит в рев. Она бросается ко мне, обнимает и проталкивает вглубь прихожей. Рыжий заходит следом и прикрывает за собой дверь.

– Что случилось? – бормочу я, от души надеясь, что от меня не несет перегаром. Аринка, наверное, не пришла ночевать домой – вот сучка! И как мне теперь ее отмазать?

– Настя, она умерла... – Даша, не отпуская меня, шепчет прямо в ухо. – Ариночка наша умерла...

Я резко отдираю от себя горячую Дашкину щеку и смотрю ей в лицо.

– Что? – Я даже усмехаюсь. – Я тебе не верю. Да она просто загуляла где-нибудь в клубе, скоро придет! Ты звонила ей? Я сейчас сама позвоню.

Бросаюсь в кухню, надеясь найти мобильник в том месте, где была в последний раз. Даша пытается удержать меня за руку.

– Настя, она умерла.

В кухне телефона нет. Бегу в свой закуток.

– Ночью она сбросилась с Кричащей Башни.

Выхожу из-за шкафа. Телефон, видно, мне не понадобится.

– Что?! Почему? Что случилось? – Теперь я сама хватаю Дашу – прямо за края пушистого капюшона. – Что с ней произошло?

Дашка ревет и пожимает плечами:

– Ничего толком не знаю! Она сбросилась с общего балкона этой дурацкой Башни! Господи, почему ее не снесли... эту Башню... там балконы... не закрываются...

Она рыдает, закрывая лицо руками.

– Мы надеялись, что ты как-то прояснишь ситуацию.

Эта фраза принадлежит рыжему, о существовании которого я успела забыть. Он все еще стоит у закрытой двери и выглядит хоть и серьезным, но довольно спокойным. Не устаиваю его ответом, вновь повернувшись к Даше.

– Проходите в комнату.

Рыжий тут же разувается и расстегивает парку. Даша в обуви проходит до трюмо, стоящего у стены между коридорчиком и кухней, и присаживается на него. Она перестает плакать и тоже смотрит на меня серьезно и настороженно.

– Дима прав, – говорит она. – Я надеялась, что ты скажешь, почему она... – Снова порция слез. – Вы ведь лучшие подруги... Почти сестры! Она ни с кем так не дружила, никогда. Только о тебе и говорила. Ты же как член нашей семьи!

Я вдруг чувствую, что во мне вскипает злость. Значит, Даша с каким-то рыжим Димой примчалась ко мне ночью не потому, что умерла моя лучшая подруга (боги, это просто не может быть правдой!), а чтобы выяснить почему! Шерлок Холмс и доктор Ватсон, мать вашу за ногу.

Кипящие внутри эмоции, как всегда, выплеснулись холдом.

– С чего вы, – я намеренно подчеркнула это «вы», – решили, что я знаю?

Мой ледяной тон подействовал на Дашу как ушат воды, вылитый на голову. Она уставилась на меня.

– Ну... – пролепетала она.

– Неужели ты думаешь, – перебиваю я, – что если бы я знала, что Аринка решила покончить с собой, то сидела бы спокойно дома и даже не попыталась бы ее остановить?

– Я не это имела в виду! – в отчаянии кричит Даша, и я чувствую легкий укол совести. – Но ты же знала все,

что с ней происходит! Может, ее кто-то обижал или у нее были проблемы в институте...

Обижал – Аринку? Ха! И какие проблемы в институте могут быть у старосты курса?

– И я не могу дозвониться до Макса. Может, они поссорились?

Покончить с собой из-за парня, которого собираешься послать подальше? Тоже мимо, Дашенька. Как ты плохо знаешь свою любимую сестренку.

Стою и качаю головой. Нет, нет, все не то.

– Как это произошло? – спрашиваю я наконец.

– Ничего толком не знаем. Около часу ночи ее нашли у этого чертового дома, прямо на снегу... Полиция говорит, что она сбросилась с общего балкона, скорее всего, с самого верхнего – двенадцатого – этажа. Там нашли ее сумку.

– А телефон?

Перед глазами всплыл модный телефончик с изящным цветком на чехле-бампере – Аринкин мобильник.

Даша пожала плечами:

– Не нашли. Номер недоступен.

Понятно. Мы не узнаем, с кем созванивалась Аринка перед смертью. Аринка и смерть? Эти слова вообще не укладывались в одном предложении.

– Она ушла из дома около пяти – сказала, что гулять. Мама даже не спросила с кем. Она же всегда гуляла с тобой или с Максом, больше ни с кем особо не общалась. Ты не видела ее?

Нет, не видела. Аринке вчера было не до меня. Но вслух я ничего не говорю. Рано пока раскрывать рот.

Даша с рыжим потоптались у меня еще с минуту, строя предположения одно безумнее другого. Потом Даша сказала, что ей нужно быть рядом с мамой и отцом, они недавно

приехали с опоздания. Мы договорились созвониться позже. Уходя, Даша наконец представила мне рыжеволосого:

– Это Дима Суханкин, мой друг. Мы с ними соседи по даче. Наши родители дружат. Не знала, кому еще позвонить...

И что этот дачник делает тут сейчас? Никогда о нем не слышала, тоже мне, друг семьи. Они ушли, и я остаюсь одна. Несколько раз громко всхлипываю, но какая-то трясучая злость не дает мне плакать. Аринка умерла. Я несколько раз мысленно и вслух проговариваю эти два слова, как будто пробуя их на вкус. Что теперь будет с моей жизнью?

Устав бессознательно слоняться по комнате, прихожу в кухню.

На столе стоит бутылка, тарелка с сыром и две рюмки. Одна из них налита доверху. Я взяла ее, подержала в руках – стекло было ледяным – и одним глотком опустошила.

Аринка умерла. Теперь эта фраза кажется мне самым естественным словосочетанием в мире.

Глава 2

– Я хочу другой жизни, – говорит Аринка и привычным жестом подкручивает едва выраженный локон. – Для нас обеих.

Мы сидим на пустой трибуне у футбольного поля. Середина сентября балует солнечными вечерами, и если на мгновение забыть во времени, то кажется, что все еще лето. Трибуна – несколько рядов деревянных ступеней, краска на которых давно облупилась и слезала кусками, – занимает ту сторону поля, что скрывается в тени высоких

деревьев. По полю носятся мальчишки – у них тренировка, но на самом деле они просто играют в свое удовольствие, не особо заботясь об отработке удара или технике обвода противника.

– Я хочу, – продолжает Аринка, – жить в большом и красивом городе, в Москве или в Питере, да, особенно в Питере – клубная столица! Говорят, там сам воздух дезинфицирует от прошлой жизни, там только и хочется, что творить и мечтать... Я там точно стану модельером или писательницей – а что? У меня столько всего в жизни было – на десяток книг хватит!

Дружные крики на поле привлекают наше внимание. Мальчишки мечутся у ворот, секунда – и Макс забивает гол. Его команда скачет от радости, кто-то обнимает его за плечи – у меня бы от таких объятий хребет сломался, – все орут, как ненормальные. Макс смотрит только на Аринку. Он тычет в нее пальцем, вытянув руку, мол, этот красавец гол я посвящаю тебе, дорогая. Аринка дарит ему улыбку, и только я замечаю за ней снисходительную насмешку.

– Мы с тобой жили бы в большой квартире-студии, отделанной под лофт. Это модно и так... стильно.

– Мне не нравятся лофты, – подаю голос я, – слишком грубая обстановка и давящая атмосфера. Лучше квартиру под самой крышей, чтоб из окна касаться серого питерского неба, а с утра сидеть на подоконнике и пить кофе...

Аринка смеется:

– Вот кому книги надо писать!

Я отколупываю кусок краски и принимаюсь крошить его в руках.

– А вообще, да, в Питере классно! Вечные сумерки, воздух, сотканный из дождя, все как я люблю. – Прячу ухмылку и поднимаю взгляд на Аринку. Подруга смотрит на меня во все глаза.

КРИЧАЩАЯ БАШНЯ ЗНАЕТ

– Настя! Ты была в Питере?

– Ага, – киваю я, безучастно наблюдая за полем.

Люблю такие моменты. Аринка не знает о моей прошлой жизни ни-че-го, а когда ей кажется, что она начинает что-то понимать, я выдаю ей вот такую деталь, которая повергает ее в шок. Чувствую на себе ее потрясенный взгляд еще несколько секунд. В это время она раздумывает, расспросить ли меня поподробнее или оставить в покое. И, как всегда, решает не расспрашивать. За это я люблю ее больше всего.

– Я хотела для нас другой жизни. Но теперь я умерла, а ты будешь одна бродить в этом декабре, путаясь в сугробах, вокруг Кричащей Башни.

Я удивленно поворачиваю голову и вижу Аринку: ресницы ее покрыты инеем, волосы седые, а щеки настолько бледные, что кажутся прозрачными. Она глядит мимо меня мертвыми глазами и не моргает. Оглядываясь, я вижу, что поле пусто и замечено снегом. Начинает резко темнеть.

Снова смотрю на Аринку, она бездвижна, и взгляд ее словно размыт. Рядом со мной – мертвец. Я дотрагиваюсь до ее плеча, и она начинает заваливаться на бок, точно огромная неловкая кукла...

Я просыпаюсь.

* * *

В первую секунду я пытаюсь понять, что явь, а что – сон, и правда ли приезжала Даша, а Аринка, пьющая со мной водку, только приснилась, или все было наоборот?

В мой зашкафный закуток пробирается тусклый дневной свет. Тянусь за телефоном – 09:15 утра, два звонка от Марьки и с десятков сообщений. Половина – от Дашки. Остальные – от той же Марьки. Нет никакого желания их открывать, но я вынуждена. Очевидно, что ужас происходит в реальности, и он только начался.

«Ты можешь заехать сегодня?»

«Маме плохо, она в больнице, папа остался с ней».

«Настя, возьми трубку, это срочно!»

«Привет, Арина с тобой?»

Два самых ранних сообщения были написаны в час ночи, когда Дашка еще не узнала страшного известия.

Какого страшного известия? Аринка умерла.

Аринка умерла. Она составляла всю мою жизнь, была моей второй половинкой. Единственная лучшая подруга за все мои девятнадцать лет.

Я сижу на диванчике и не знаю, что делать. Я не могу позвонить ей и спросить, что мне делать. Боги, Арина, почему ты не оставила мне никакого руководства на случай своей смерти?

Моя семья не должна ничего знать, Настька.

Макс не должен ничего знать.

Женька Лебедева и ее свита не должны ничего знать.

Никто не должен ничего знать, Настька. И ты обязана проследить за этим.

Вот примерно такую инструкцию она бы оставила. Моя задача — хранить ее тайны. Хреновые дела, доложу я вам. Ведь сейчас добрая половина (ха, злобная половина) наших с Аринкой близких людей начнут трясти меня, точно яблоньку в сентябре. Одно радует: тяжеленные яблочки свалятся им на головы. Но, может, я сумею выстоять.

Я снова зачем-то смотрю на телефон. Пропущенные от Марьки настораживают. Если она пронюхала (откуда?), то наверняка всех в институте уже оповестила.

Так, что там с нашими яблочками? Первый вопрос: зачем она это сделала? Но черт, тут и думать нечего, я сама сижу и задаюсь им! Второй — из-за кого. Тут пойдут рассуждения об отношениях с Максом. Блин, спросите у Макса. Аринка не любила делиться подробностями лич-